

Дом творчества

Автор:

Мария Метлицкая

Дом творчества

Мария Метлицкая

«На ужин давали селедку и винегрет. Нина сидела за столиком у входной двери и пила темный безвкусный чай, пахнувший прелой травой.

Мужики негромко и недовольно ворчали: дескать, что за рацион? С копыт рухнешь. Гобеленщица Тамара, узкая в фас и особенно в профиль, очень похожая на грустную лошадь, моталась у окна раздачи в надежде выпросить добавки. Скульпторша Лида Власова, с мощным бюстом и крупными, почти мужскими руками, единственная, кто позволил себе возмущаться в голос, кричала на толстую повариху в высоком белом колпаке и требовала жалобную книгу...»

Мария Метлицкая

Дом творчества

На ужин давали селедку и винегрет. Нина сидела за столиком у входной двери и пила темный безвкусный чай, пахнувший прелой травой.

Мужики негромко и недовольно ворчали: дескать, что за рацион? С копыт рухнешь. Гобеленщица Тамара, узкая в фас и особенно в профиль, очень похожая на грустную лошадь, моталась у окна раздачи в надежде выпросить добавки. Скульпторша Лида Власова, с мощным бюстом и крупными, почти мужскими руками, единственная, кто позволил себе возмущаться в голос,

кричала на толстую повариху в высоком белом колпаке и требовала жалобную книгу.

– Воруете! – яростно возмущалась Лида и порывалась проверить сумки поварихи и подавальщицы.

Ушлая повариха вяло отбреживалась и книгу жалоб давать не хотела. Лида грамотно, по возрастающей, развивала скандал. Возле нее начала собираться группа поддержки.

Нина подумала, что надо взять в номер побольше хлеба: там, в номере, есть кипяtilьник, чай, сахар и варенье. Она под шумок подошла к голубому пластиковому столу, где в больших эмалированных тазах лежал крупно нарезанный хлеб – черный и белый. Оглядываясь и краснея, Нина стала запихивать хлеб в пакет и тут услышала звонкий крик.

– Вот! – узнала она визгливый голос официантки Зойки. – И это кто еще ворует?! Посмотрите на нее! Если все так будут тырить!.. – верещала Зойка.

Нина покраснела и замерла. Зойка, тощая, злющая, с пергидролевым хвостом на затылке, самозабвенно ненавидела всех женщин без исключения. Грохала тарелки перед ними так, что разлетались брызги. И ее почему-то все побаивались.

Лида Власова, услышав Зойкин крик, пошла на таран. Являя собой всю мировую справедливость, она приперла субтильную Зойку мощным бюстом к стене.

– Жируешь тут за наш счет? – грозно сдвинув брови, спросила Лида. – И еще хамишь культурным людям?

На «жирующую» тощая и взъерошенная Зойка явно не тянула. Хамка из нее выходила отменная, но хоть Зойка и была не из пугливых, при виде Лидиной мощи даже ее пыл поутих.

– Жалобу будем писать! Коллективную! – угрожающе пообещала Лида. – И в Союз художников, и в ревизионную, и в прокуратуру.

– Сидите тут на всем готовом и еще недовольны, – чуть сбавила обороты Зойка.

Лида пошла к выходу и у двери обернулась:

– Управу найдем, не сомневайтесь.

Последнее слово осталось, как всегда, за ней. Лида вышла, скандал постепенно стал сходиться на нет. Больше смельчаков не нашлось. Нина тихо выскользнула из столовой и пошла в свой номер.

В номере было холодно и выстужено и дуло из всех щелей. Нина села на кровать, накинула на себя одеяло и разревелась. Сколько унижений может вынести человек? От всех, с самого детства. От вредной мачехи, истеричной классной. От заказчика, худсовета. От мерзкой хамки официантки. От кондуктора в автобусе. От паспортистки в жэке. И наконец, от самого главного человека в своей жизни – самые большие унижения. От которых она, кстати, и сбежала в этот забытый богом городишко, в этот унылый пансионат для «творцов», выбить путевку в который тоже оказалось еще каким унижением.

Путевки давали с огромным одолжением. Сначала – бесконечная очередь. Потом – комиссия и рассмотрение заявления. Дурацкие унижительные вопросы. Но все равно попасть сюда считалось удачей и почти благом, несмотря на холодные номера, серое постельное белье, жесткие солдатские одеяла, нищенскую кормежку и откровенно вороватый и хамоватый персонал.

Путевку давали на два месяца – а значит, два месяца можно не думать о куске хлеба, об оплате счетов за электричество в мастерской. О непостоянных и капризных заказчиках. К тому же здесь выдавали (бесплатно, разумеется) глину, холсты, подрамники, краски, кисти, разрешали пользоваться муфельными печами.

Здесь не было крикливых детей, сварливых тещ и жен и хронически недовольных мужей. И еще было чудное озеро, где когда-то развлекался длинноногий царь-подросток со своими «потешными» суденышками, что стало предтечей его дальнейшей великой судьбы. К озеру исправно возил немногочисленных туристов маленький паровозик со смешным названием «кукушка».

Да и в городишке, как водится, нищем и убогом, тоже была, конечно, своя среднерусская прелесть. И покосившиеся домишки в один этаж с геранью на окнах и толстыми полосатыми котами на подоконниках, и потрескавшиеся резные наличники, и неровная брусчатая мостовая. И заброшенный монастырь с высокой и гордой колокольней. И добродушный, неприхотливый, смешно окаяющий сильно пьющий народец, полный непонятого оптимизма, не забывающий, впрочем, клясть при этом свою горькую судьбу.

В самом доме затевались бесконечные романы и порой кипели нешуточные страсти. И даже, несмотря на, казалось бы, размеренность жизни, случались и истинные драмы. Но Нине это было вовсе ни к чему. Ведь именно от драм и страстей ей хотелось укрыться и отдохнуть – хотя бы на пару месяцев.

Она налила в литровую банку мутноватой и желтой воды, еще раз тяжело вздохнула и воткнула кипятильник в розетку. Опять села на кровать, накинула одеяло и стала ждать, пока закипит вода. Но вода и не думала закипать. Нина потрогала кипятильник и сказала вслух:

– Сдох. И ты, гад, против меня!

И снова громко, в голос, разревелась. Подумала, что выпила бы сейчас крепкого и сладкого чаю и съела бы бутерброд с белым хлебом и докторской колбасой, а потом легла бы в кровать, укуталась в одеяло и блаженно закрыла глаза. Но чая не было, увы, и докторской колбасы, кстати, тоже. Значит, придется жевать всухомятку черный хлеб, а завтра непременно разболится желудок – ну, это уж как водится!

Нина медленно раскачивалась на кровати и тихонько подвывала. В Дом творчества она сбежала от своего утомительного, тянущегося, как старый клей, затяжного и бестолкового романа, измучившего и вконец измотавшего ее за долгих четыре года. Предмет ее страданий был глубоко и устойчиво женат, имел двоих детей и радостно сообщал Нине, что останавливаться на достигнутом они с женой точно не собираются. Он был довольно успешный живописец, в последние несколько лет неожиданно и быстро ставший популярным, нещадно эксплуатируя псевдорусскую тему, которая потихоньку начала входить в моду. Жена его, высокая волоокая красавица, дом вела умело и грамотно: нужные люди, красивые вещи, обильные столы... Спецшколы, музыка и бассейн для детей. Уверенная, четкая, собранная женщина. Надежный тыл и оплот. Лучше жены не найти. И он и не искал. Что его связывало с одинокой,

неустроенной и вечно тоскующей Ниной? Духовная общность – он любил точные формулировки. Жена его была далека от терзаний и творческих мук. Наверное, ему было необходимо нечасто, примерно в две недели раз, зажечь в полуподвале мастерской свечи, налить в узкие бокалы (эстет) вина, взгрустнуть и задуматься о смысле жизни. И чтобы рядом непременно была женщина – тонко чувствующая и, безусловно, влюбленная. Читающая, например, печально и нараспев Ахматову или Блока. И чтобы тихо, чуть приглушенно, звучала музыка – Брамс или Вивальди.

Нина сидела на диване, обхватив руками колени, держала в тонких пальцах бокал с вином и читала чуть срывающимся голосом любимые стихи, он устраивался напротив в большом и уютном кресле, закрывал глаза и в такт музыке покачивал головой. Потом он садился в новенькую «Волгу» и торопился домой – к борщам и пирогам. К уюту и спокойствию. К теплым тапочкам и телевизору. К чему привык и без чего не мыслил жизни. А Нина оставалась одна – застилала кровать, тушила оплывшие свечи, мыла бокалы и убирала пластинки в конверты. Потом надевала сапоги, застегивала пальтецо и выходила в стылую ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/dom-tvorchestva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)